

Зарубежные судебно-экспертные технологии: концепция релевантности

 И.Э. Никитина^{1,2,3}

¹ ГОУ ВО МО «Государственный социально-гуманитарный университет», Коломна 140410, Россия

² Федеральное бюджетное учреждение Российский федеральный центр судебной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации, Москва 109028, Россия

³ Королёвский филиал Международного юридического института, Королев 141070, Россия

Аннотация. Рассмотрена концепция релевантности применительно к зарубежным уголовным процессам, в частности к используемым в них судебно-экспертным технологиям. Подчеркивается, что разнообразие заинтересованных сторон в рамках судопроизводства приводит к вполне ожидаемой множественности оценки релевантности. Для судебных экспертов оценка релевантности определяется данными, характеризующими объект познания, воспринимаемые познающим субъектом при различных отражениях познаваемого объекта.

В уголовной системе зарубежных стран проявляется большой интерес к признанию важности концепции релевантности. От осмотра места происшествия до вынесения судебного решения понимание процесса аргументации при оценке релевантности доказательств является частью процедуры контроля информации, которая будет использоваться для обоснования судебных решений.

Ключевые слова: релевантность, судебно-экспертные технологии, уголовный процесс, судебное следствие, специальные знания, процесс доказывания, сторона защиты, сторона обвинения

Для цитирования: Никитина И.Э. Зарубежные судебно-экспертные технологии: концепция релевантности // Теория и практика судебной экспертизы. 2020. Т. 15. № 4. С. 108–115.

<https://doi.org/10.30764/1819-2785-2020-4-108-115>

Foreign Forensic Technologies: The Concept of Relevance

 Irina E. Nikitina^{1,2,3}

¹ State University of Humanities and Social Studies, Kolomna 140410, Russia

² The Russian Federal Centre of Forensic Science of the Ministry of Justice of the Russian Federation, Moscow

³ Korolyov branch of International Law Institute, Korolyov 141070, Russia

Abstract. The article addresses the concept of relevance concerning foreign criminal proceedings, in particular those applying forensic technologies. The author emphasizes that the variety of parties involved in the trial leads to the anticipated pluralism of relevance evaluation. For forensic experts, the relevance assessment is determined by data describing the cognitive object, perceived by the cognizing subject in different object's reflections.

Foreign criminal systems take great interest in recognizing the importance of the concept of relevance. From examining the crime scene to a court ruling, the understanding of the argumentation process in assessing the relevance of the evidence is a part of the information control procedure that will be used to justify court decisions.

Keywords: relevance, forensic technologies, criminal procedure, court investigation, specialized knowledge, evidentiary process, defense, prosecution

For citation: Nikitina I.E. Foreign Forensic Technologies: The Concept of Relevance. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2020. Vol. 15. No. 4. P. 108–115. (In Russ.). <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2020-4-108-115>

Введение

Релевантность в целом – это свойство, которое выражается в соответствии чего-либо полученного желаемому. Применительно к судебной экспертизе – релевантность судебно-экспертных технологий определяется тем, насколько они удовлетворяют интересам правосудия, то есть установлению юридически значимых фактов. В современной правоприменительной деятельности экспертные технологии используются в работе оперативно-розыскных, следственных и судебных органов в целях раскрытия и расследования преступлений, а также обеспечения справедливого судебного рассмотрения дел. В связи с этим «экспертиза как инструмент обоснования процессуально-правовых решений не может рассматриваться в отрыве от общих социально-экономических, правовых, общественных и государственных процессов» [1].

Релевантность является многогранной концепцией. Если категория семиотики права раскрывается через соответствие и взаимосвязь правовых понятий и символов, эти понятия выражающих, юридических фактов и пропозиций, эти факты определяющих¹, то категория семиотики релевантности основывается на общепринятых ценностях, личных убеждениях, традициях и морали.

Джон Шамбер (Jon F. Schamber) определяет релевантность как многоплановую когнитивную концепцию, во многом зависящую от восприятия информации пользователями и их собственными информационными потребностями в данной конкретной ситуации. Так, среди участников уголовного судопроизводства чрезвычайно высока вероятность наличия разных точек зрения в отношении правомерности множества действий, таких как сбор информации, выбор метода исследований, принятие решения об использовании сведений, полученных в результате проведения оперативно-розыскных мероприятий, которые могут вызывать разногласия в их оценке [2, с. 5–6].

Принимая во внимание разнообразие заинтересованных сторон в рамках судопроизводства, вполне ожидаема множественность оценки релевантности [3]. Для судебных экспертов она определяется данными,

характеризующими объект познания, воспринимаемые познающим субъектом при различных отражениях познаваемого объекта [4, с. 37]. Для адвокатов – интересами защищаемого лица. С юридической точки зрения оценка релевантности представляется как «соответствие между тем, что является предметом доказывания, какие доказательства или утверждения выдвигаются, и верховенством права». Релевантность достигается за счет как оптимального взаимодействия всех участников уголовного судопроизводства, так и применения следственных и экспертных технологий, позволяющих избежать тактических и процессуальных ошибок. Таким образом, релевантность, применительно к экспертным технологиям, является необходимым условием разрешения проблемной следственной или судебной ситуации при должном уровне взаимодействия субъектов правоприменительной деятельности, потенциально позволяющим выявить и проследить наличествующие связи и зависимости, которые устанавливают юридически значимые факты в рамках судопроизводства [2].

В рамках уголовного судопроизводства проблемы взаимодействия начинаются с обнаружения исходных источников доказательственной информации, требующих применения специальных знаний, которыми в полной мере органы предварительного расследования не обладают. Количество несостыковок растет при назначении судебной экспертизы и формулировании задач экспертного исследования: «Отсутствие информационного взаимодействия на стадии экспертного производства, корректировки задач, предоставления дополнительных материалов и сведений резко снижает качество заключения эксперта. Некорректные формулировки выводов, неправильная их интерпретация, недооценка или переоценка их доказательственного значения могут привести к ошибочным судебным решениям» [1]. Чтобы не допустить этого и в полной мере понимать мотивацию друг друга, требуется слаженное и эффективное взаимодействие между участниками судебного процесса.

Современное судопроизводство невозможно без внедрения прогрессивных механизмов обеспечения судебно-экспертной деятельности, включая ее стандартизацию и систему менеджмента качества. Научные методы работы органов предварительного

¹ Саркисов А.К. Семиотика права. Историко-правовые исследования правовых знаковых конструкций: автореферат дис. ... кандидата юридических наук. Москва, 2000. 27 с. (С. 8).

расследования и суда ведут к модернизации и оптимизации деятельности государственного аппарата в сфере уголовного судопроизводства [там же].

Релевантность в уголовных процессах зарубежных стран

В европейском уголовном процессе уполномоченные судьи (the instructive magistrates), обладающие необходимыми знаниями в сфере судебной экспертизы, оценивают экспертные заключения, рассматриваемые в качестве научных доказательств. В отношении «судья – судебный эксперт» релевантность представляется как вектор взаимосвязи между судебной экспертизой и обоснованиями процессуально-правовых решений и, в конечном итоге, выстраивании цепочки доказательств (рис.).

Главное внимание уделяется результатам предварительного расследования, в первую очередь – осмотру места происшествия, поскольку здесь происходит обнаружение, сбор и фиксация следов преступления.

С точки зрения зарубежных практиков, релевантность – это логическая и адаптированная связь между пригодным объектом и вопросом интереса в данном контексте. Можно отметить, что в российском уголовно-процессуальном законодательстве к понятию релевантности по смыслу ближе термин «относимость доказательств». Но данные понятия не идентичны. Термин «от-

носимость» не совсем точно характеризует свойство доказательств, поскольку релевантность характеризует, помимо отношения доказательства к расследуемому делу, еще и его «полезность». Данные обстоятельства необходимо принимать во внимание при взаимодействии с зарубежными правоохранительными органами.

В разных странах относительно релевантности существуют конкретные руководящие принципы: например, в США – это статьи 401, 402 и 403 Федеральных правил доказывания (Federal Rules of Evidence²), содержащие правила поддержки процесса аргументации, касающейся оценки релевантности предлагаемых доказательств. Разнообразие оценок релевантности тесно связано с изобретательностью адвоката в использовании косвенных доказательств в процессе доказывания. С другой стороны, принцип свободы предоставления доказательств остается лидирующим в уголовных процессах зарубежных стран.

Оценка релевантности призвана ответить на вопрос, имеет ли выдвигаемое доказательство отношение к предмету доказывания, обладает ли той ценностью для процесса доказывания, оправдывающей

² Rule 401. Test for Relevant Evidence up. https://www.law.cornell.edu/rules/fre/rule_401
 Rule 402. General Admissibility of Relevant Evidence. https://www.law.cornell.edu/rules/fre/rule_402
 Rule 403. Excluding Relevant Evidence for Prejudice, Confusion, Waste of Time, or Other Reasons. https://www.law.cornell.edu/rules/fre/rule_403

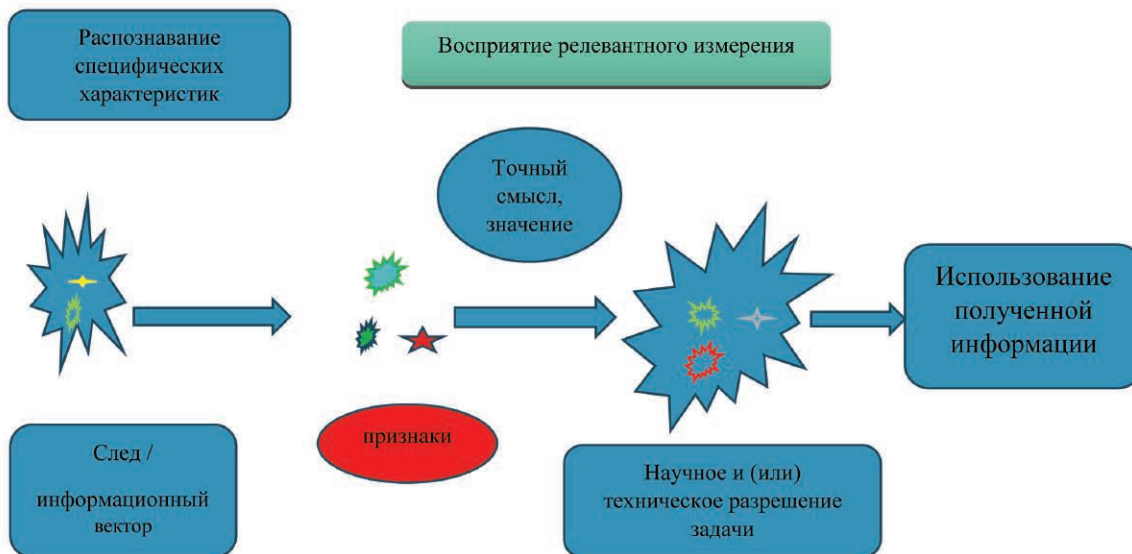

Рис. Оценка материальных следов согласно семиотическому представлению [2]
Fig. Assessment of the relevant physical trace according to the semiotic view [2]

затраты на его получение? Например, установление причинно-следственной связи между следующими фактами: 1) обвиняемый стрелял из пистолета на поражение, 2) он приобрел его незадолго до убийства. Данные факты требуют анализа и оценки.

В других ситуациях оценка доказательств связана не только с их относимостью к делу, но и с существованием определенного факта. Например, показания свидетеля по общему правилу должны быть озвучены в ходе судебного следствия, но они теряют свою значимость в случае, если сторона защиты не имела возможности выслушать показания свидетеля и задать ему вопросы [5].

В швейцарском законодательстве принцип релевантности не разъясняется, но соблюдается. Компетентные органы рассматривают любые относимые к делу доказательства, позволяющие квалифицировать преступное деяние, без объяснения фактов их получения. Судья по своему внутреннему убеждению определяет их релевантность.

Однако в одном аспекте правовые системы сходятся. Релевантность является частью механизма исключения доказательств. Компетентные органы разрабатывают «правила по отклонению доказательств» (negative rules) или работают в особых условиях (например, в США), где объясняются причины отклонения материалов как не относящихся к делу. Таким образом, релевантность легче определяется через противоположность – исключение не относящихся к делу доказательств.

В рамках судебной экспертизы к вопросу релевантности подходят с разных позиций. Релевантность – многогранное понятие, которое используется как в отношении следа, так и в отношении процессов его обработки (обнаружения, изъятия, анализа и оценки пригодности для идентификации или диагностики). Эффективность экспертной деятельности связана не только с уровнем экспертных технологий и компетентностью эксперта, но и с уровнем взаимодействия субъектов и структур экспертной деятельности.

На стадии предварительного расследования создается определенная внутренняя система интегральных связей исследуемого события, где логические выводы следуют из требований к предмету доказывания и фактических доказательств по делу. Проблемы множатся при определении необходимости назначения экспертизы и формулировании

задач экспертного исследования [1, с. 140]. Например, при проведении обыска в кабинете директора коммерческой фирмы, подозреваемого в совершении финансовых махинаций, на месте преступления обнаружен кровавый след пальца на ноже, который не вписывается в общую схему расследования по конкретному составу преступления, и поэтому исключается из собранных по делу доказательств. Таким образом, недооценка или переоценка доказательственного значения материальных следов может привести не только к ошибочным судебным решениям, но и неоправданным затратам на проведение судебных экспертиз.

Одной из форм взаимодействия следственных, судебных и экспертных органов для обеспечения правосудия является производство судебной экспертизы на месте происшествия и выполнение ситуалогических исследований [там же]. Распознавание экспертом специфических особенностей следов, обнаруженных на месте происшествия, помогает следственным органам в раскрытии и расследовании преступлений. На этом этапе многие параметры – ситуационные (например, какое правонарушение), структурные (ресурсы, предоставленные эксперту), индивидуальные (знания и опыт работы эксперта) – могут оказать влияние на работу эксперта на месте происшествия. В конечном итоге, основываясь на данных параметрах, два эксперта в одной и той же ситуации будут по-разному оценивать различные типы следов и принимать решение по их сбору, фиксации и анализу [2, 5]. Таким образом, к проблемным местам в оптимизации взаимодействия участников уголовного судопроизводства относится его нормативно-правовое регулирование и стандарты экспертного и юридического образования [1, с. 140].

Взаимодействие следственных, судебных и экспертных технологий обеспечения правосудия

Современное судопроизводство уже невозможно представить без использования современных достижений естественных, технических, экономических и иных наук, которые принято называть специальными знаниями [6, с. 263]. Специальные знания выходят за рамки общеобразовательной подготовки и житейского опыта. Ими обладает более или менее узкий круг лиц [7, с. 6–7].

«Отнюдь не каждый человек может быть экспертом и успешно осуществлять исследовательскую деятельность данной направленности. Практическая исследовательская и интеллектуальная деятельность эксперта в процессе производства судебной или не-судебной экспертизы требуют от него наглядно-образного, развитого экспертного мышления, способности охватить имеющуюся информацию в едином целом, преобразовать и систематизировать знания, мысленно моделировать процесс исследования, прогнозировать обстоятельства, которые будут иметь место в будущем, причем все это в соответствии с нормами действующего законодательства» [8].

Ключевыми направлениями развития института судебной экспертизы в Российской Федерации сегодня являются стремление к практической, а не декларативной, реализации принципа верховенства права, гармонизации законодательства в сфере судебно-экспертной деятельности и процессуальных канонов, консолидации усилий всех субъектов использования специальных знаний (как государственных, так и негосударственных) во всех видах судопроизводства. В основе реализации указанных процессов находятся вопросы качества экспертного производства, обусловленные профессиональным уровнем (компетентностью) судебных экспертов и доступным методическим инструментарием [9, с. 12].

Следователи и судьи, обладающие специальными знаниями и соответствующими научно-техническими средствами, могут обойтись без помощи специалистов. Однако им не так важно самим обладать специальными знаниями, необходимо представлять себе возможности судебной экспертизы и каких именно специалистов следует привлечь для решения возникающих в процессе судопроизводства вопросов [10].

И все-таки основной проблемой взаимодействия является то, что заказчик (орган дознания, следователь или суд) недостаточно хорошо представляет себе возможности судебной экспертизы, а исполнитель (эксперт) не знает, что именно нужно следователю или суду. При таких обстоятельствах научно-технический потенциал всей системы судебной экспертизы или не используется, или используется не в полной мере. Недостаточно задействованы разработанные в судебно-экспертной деятель-

ности инструменты, такие как формирование информационно-поисковых систем, а также методология комплексных исследований и ситуалогической экспертизы. Профессиональные следователи заранее допускают возможность расхождения выводов эксперта и собственного мнения, и поэтому они либо принимают заключение эксперта, либо назначают повторную экспертизу, которую поручают экспертам той же специальности, что в полной мере соответствует закону [11, с. 15–16].

Российское законодательство также предоставляет адвокату при осуществлении им профессиональной деятельности возможность использования специальных знаний как в процессуальной форме, так и не в процессуальной [12, с. 334].

Таким образом, судебные, следственные и экспертные технологии должны работать в одном направлении – раскрытии и расследовании преступлений, их профилактике, а также в обеспечении справедливого судебного разбирательства.

Взаимодействие всех участников уголовного судопроизводства жизненно необходимо для обеспечения справедливого правосудия. В англо-саксонских странах уполномоченные судьи ведут судебное следствие и определяют релевантность соответствующей информации, которая может обвинить или оправдать подозреваемого. Миссия судьи – найти правду. Он работает с юридическими фактами. Именно судья оценивает экспертное заключение, признавая его в качестве научного доказательства по делу.

Уполномоченный судья обладает полной информацией по рассматриваемому делу, общаясь с правоохранительными органами, экспертами, а также с жертвами преступления и подозреваемыми. В частности, в швейцарском уголовном законодательстве следственный судья поддерживает обвинение на этапе вынесения приговора, т. е. выступает в роли прокурора. Мировой судья ведет расследование и судебное преследование.

Следователи в Швейцарии сталкивались с определенными затруднениями, когда требовалось оценить релевантность материальных следов в сложных уголовных делах, и отмечали важность института уполномоченных судей в оказании консультативной помощи при расследовании преступлений. Судьи различают экспертные задачи

и задачи юридического характера в оценке доказательств, демонстрируя при этом различные, но в то же время дополняющие, представления об одной и той же задаче, что может быть полезно при расследовании уголовного дела. Например, во время осмотра места происшествия с участием эксперта возник вопрос о целесообразности сбора и последующего анализа частей огнестрельного оружия. Проблема состояла в определении места положения фигурантов уголовного дела во время стрельбы, когда жертва ехала в автомобиле с открытым передним боковым стеклом. Следователь решил, что поскольку обнаруженные части огнестрельного оружия не помогут ответить на вопрос – был ли выстрел произведен снаружи автомобиля или с места водителя (по краю бокового стекла), – то и приобщать их в качестве доказательства совершенного преступления не стоит. Но следственный судья обязал следователя сделать это. С позиции последующего процесса доказывания приобщение к протоколу осмотра места происшествия оставшихся на месте преступления частей огнестрельного оружия имеет определенные перспективы. Независимо от значимости полученных экспертных результатов судья сможет показать стороне защиты, что в деле рассмотрены все следы преступления, обнаруженные на месте происшествия.

Взаимодействие между судебными, следственными органами и экспертными учреждениями

Взаимодействие между следователем и судебным экспертом по обсуждению ставящихся перед экспертом вопросов и его ожиданий от результатов исследования может стать несомненным преимуществом в процессе расследования.

Обнаружение и изъятие материальных следов на месте происшествия зависят от рода преступлений. Экспертное исследование привязано к поставленным эксперту вопросам, причем в зарубежных процессах на выбор вопросов сильно влияют позиции сторон.

Приведем пример ситуаций, в которых аспект релевантности может обсуждаться с целью повышения эффективности расследования и предотвращения предвзятости. Обнаружение частиц эпителия подозреваемого на месте происшествия не во всех случаях обязательно будет относиться к рас-

следуемому деянию и обличать подозреваемого. В случаях если подозреваемый часто находился в этом месте, то обнаружение его следов вполне оправданно. Проблема относимости частиц эпителия заключается в том, что природа их происхождения и нахождение на месте происшествия не проясняет факта контакта между подозреваемым и жертвой: напротив, контакт легко может быть установлен по биологическим следам, например слюны или спермы.

В таких случаях позиции стороны защиты и обвинения могут оказать влияние на оценку релевантности обнаруженных следов. Данный вопрос должен обсуждаться судьей и судебным экспертом.

Логика судебного эксперта сосредоточена на материальных следах, чтобы «заставить их говорить», и нацелена на выявление причины их присутствия или отсутствия в определенном контексте. Судебный эксперт исследует следы, а не факты, предоставленные сторонами, в отличие от уполномоченных судей. Дискуссия об экспертной и юридической значимости следов должна представлять интерес для заинтересованных сторон процесса, чтобы обеспечить более сбалансированную работу правоохранительных органов, воздерживаясь от возможной предвзятости, когда подтверждающие вину факты могут считаться актуальными только на этапе расследования.

Выводы

В криминалистической, судебно-экспертной и уголовно-процессуальной науке зарубежных стран проявляется большой интерес к признанию важности концепции релевантности. От осмотра места происшествия до вынесения судебного решения понимание процесса аргументации при оценке релевантности доказательств является частью процесса контроля информации, которая будет использоваться для обоснования судебных решений.

Российский федеральный центр судебной экспертизы при Минюсте России на протяжении полутора десятков лет внедряет систему менеджмента качества в области судебно-экспертной деятельности [13], ставшую прикладным системным механизмом применения требований международных стандартов в данной области, что является стимулом сближения российских и зарубежных экспертных технологий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Смирнова С.А., Колдин В.Я. Судебно-экспертные технологии: современный облик и перспективы // Теория и практика судебной экспертизы. 2019. Т. 14. № 4. С. 137–144. <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2019-14-4-137-144>
2. Hazard D. Discussion Between Forensic and Evidence Law Practitioners About the Relevancy Concept / International Scientific Conference “Archibald Reiss Days”. Thematic Conference Proceedings of International Significance (Belgrade, November 7–9, 2017). Vol. 1. P. 3–10.
3. Howard D.L. Pertinence as Reflected in Personal Constructs // Journal of the American Society for Information Science. 1994. Vol. 45. No. 3. P. 172–185.
4. Полевой Н.С. Криминалистическая кибернетика. М.: МГУ, 1982. 208 с.
5. Nicholas F. LaRocca Jr.R. Authentication, Identification, and the Best Evidence Rule // Louisiana Law Review. 1975. Vol. 36. No. 1. P. 185–213. <https://digitalcommons.law.lsu.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=4140&context=lalrev>
6. Россинская Е.Р. Специальные познания и современные проблемы их использования в судопроизводстве. М.: Норма, 2019. 680 с.
7. Орлов Ю.К. Заключение эксперта и его оценка (по уголовным делам). М.: Юрист, 1995. 64 с.
8. Бодров Н.Ф. Антикоррупционная юридико-лингвистическая экспертиза нормативно-правовых актов и их проектов как вид экспертной профилактики. 2010. http://siberia-expert.com/publ/konferencii/konferencija_2010/9-1-0-328
9. Смирнова С.А., Никитина И.Э., Хазиев Ш.Н., Усов А.И., Омелянюк Г.Г., Чеснокова Е.В., Кузьмин С.А. Судебная экспертиза в международном правоприменении. Монография. М.: ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2019. 402 с.
10. Основы естественно-научных знаний для юристов. Учебник по курсу «Концепции современного естествознания» / Под ред. Е.Р. Россинской. М.: Норма, 1999. 448 с.
11. Смирнова С.А. Мультимодальное издание «Судебная экспертиза: перезагрузка». Часть 1. Вызовы времени и экспертные технологии правоприменения. М.: Эком, 2012. 656 с.
12. Россинская Е.Р. Использование специальных знаний в адвокатской деятельности (по уголовным и гражданским делам, делам об административных правонарушениях). М.: Норма, 2019. 680 с.
13. Чеснокова Е.В. Совершенствование работы с персоналом в судебно-экспертных организациях в соответствии с требованиями международного стандарта ISO/IEC 17025:2017 // Теория и практика судебной экспертизы. 2020. Т. 15. № 1. С. 75–83. <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2020-1-75-83>

REFERENCES

1. Smirnova S.A., Koldin V.Ya. Forensic Technologies: Contemporary State and Perspectives. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2019. Vol. 14. No. 4. P. 137–144. (In Russ.). <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2019-14-4-137-144>
2. Hazard D. Discussion Between Forensic and Evidence Law Practitioners About the Relevancy Concept. *International Scientific Conference “Archibald Reiss Days”. Thematic Conference Proceedings of International Significance (Belgrade, November 7–9, 2017)*. Vol. 1. P. 3–10.
3. Howard D.L. Pertinence as Reflected in Personal Constructs. *Journal of the American Society for Information Science*. 1994. Vol. 45. No. 3. P. 172–185.
4. Polevoi N.S. *Forensic Cybernetics*. Moscow: MGU, 1982. 208 p. (In Russ.)
5. Nicholas F. LaRocca Jr.R. Authentication, Identification, and the Best Evidence Rule. *Louisiana Law Review*. 1975. Vol. 36. No. 1. P. 185–213. <https://digitalcommons.law.lsu.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=4140&context=lalrev>
6. Rossinskaya E.R. *Specialized Knowledge and Contemporary Issues of Their Application in Trial*. Moscow: Norma, 2019. 680 p. (In Russ.)
7. Orlov Yu.K. *Expert’s Opinion and Its Assessment (on Criminal Cases)*. Moscow: Yurist, 1995. 64 p. (In Russ.)
8. Bodrov N.F. *Anti-Corruption Forensic Linguistic Examination of Normative Legal Acts and Projects as a Kind of Forensic Prevention*. 2010. http://siberia-expert.com/publ/konferencii/konferencija_2010/9-1-0-328
9. Smirnova S.A., Nikitina I.E., Khaziev Sh.N., Usov A.I., Omel’yanyuk G.G., Chesnokova E.V., Kuz’min S.A. *Forensic Expertise in International Law Enforcement. Monograph*. Moscow: RFCFS, 2019. 402 p. (In Russ.)
10. Rossinskaya E.R. (ed). *The Basics of Natural Science for Lawyers: Textbook for the Course “Concepts of the Modern Science”*. Moscow: Norma, 1999. 448 p. (In Russ.)
11. Smirnova S.A. *Multi-Modal Edition “Forensic Expertise: Reboot”. Part 1. Challenges of the Time and Expert Technologies of Law Enforcement*. Moscow: Ekom, 2012. 656 p. (In Russ.)
12. Rossinskaya E.R. *Specialized Knowledge Application in Advocacy (on Criminal and Civil Cases, Cases of Administrative Offences)*. Moscow: Norma, 2019. 680 p. (In Russ.)
13. Chesnokova E.V. On the Development of Working with Personnel in Forensic Organizations under the Requirements of the International Standard ISO/IEC 17025:2017. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2020. Vol. 15. No. 1. P. 75–83. (In Russ.). <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2020-1-75-83>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Никитина Ирина Эдуардовна – д. юр. н., профессор кафедры криминалистики и уголовного процесса Государственного социально-гуманитарного университета; заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин Королёвского филиала Международного юридического института; главный научный сотрудник отдела научно-методического обеспечения производства судебной экспертизы в системе судебно-экспертных учреждений Минюста России, ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России; e-mail: onmo@sudexpert.ru

ABOUT THE AUTHOR

Nikitina Irina Eduardovna – Doctor of Law, Professor of the Department of Criminalistics and Criminal Procedure of the State University of Humanities and Social Studies; Head of the Department of Criminal Law disciplines of the Korolyov branch of the International Law Institute; Leading Researcher of the Forensic Research Methodology Department in the system of the Forensic Institutions of the Russian Ministry of Justice, the Russian Federal Centre of Forensic Science of the Russian Ministry of Justice; e-mail: onmo@sudexpert.ru

Статья поступила: 02.10.2020

После доработки: 05.11.2020

Принята к печати: 13.11.2020

Received: October 10, 2020

Revised: November 05, 2020

Accepted: November 13, 2020